

Куда идет человечество?

О тенденциях международных отношений в XXI веке

Евгений Бажанов
Наталья Бажанова

Политика средних и малых стран

Потенциал конфликтности несет в себе не только соперничество центров силы, но и их отношения со средними и малыми странами. Зоны влияния в сегодняшнем мире – это не колониальные владения XIX столетия и даже не лагеря или блоки периода холодной войны. Сейчас в эти зоны входят лишь те страны, которые того желают. Куба, несмотря на свою относительную слабость, близость к берегам США, потерю патрона в лице СССР, категорически отказывается подчиняться воле Вашингтона. И американцы ничего не могут поделать с этим. Не поддается нажиму Соединенных

Штатов, как, впрочем, и всех других держав, северокорейский режим.

Более того, Пхеньяну в процессе сложных торгов с Вашингтоном удается отвоевывать себе различные дивиденды.

Так, в обмен на обязательство не создавать ядерное оружие КНДР бесплатно получила от США большое количество дизельного топлива. На требование Америки прекратить экспорт ракет на Ближний и Средний Восток Пхеньян ответил предложением, чтобы США выплатили компенсацию в размере 1,7 млрд. долл.

Затем американские спутники обнаружили, что северокорейцы ведут по-

БАЖАНОВ Евгений Петрович – проректор Дипломатической академии МИД России по науке и международным связям, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России.

БАЖАНОВА Наталья Евгеньевна – профессор, доктор экономических наук.

Ключевые слова: потенциал конфликтности; зоны влияния; многополюсная система; режим нераспространения; коллективное лидерство и соперничество.

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. №№ 6–8.

дозрительные подземные работы. Потребовали согласия на инспекцию. КНДР ответила: пожалуйста, но за деньги, за 300 млн. долл. После долгих торгов Вашингтон купил-таки себе право на инспекции подозрительного объекта.

Пхеньян до сих пор продолжает успешный торг с США и с другими великими державами.

Даже те страны, которые по собственной воле входят в зоны влияния центров силы, гораздо энергичнее отстаивают свои права, чем в эпоху холодной войны. После распада СССР европейцы все еще готовы сотрудничать с США, в том числе в рамках НАТО, но одновременно они крепят региональные институты – Европейский союз, Западноевропейский союз и другие, подумывая, в частности, о чисто европейских оборонных усилиях.

В НАТО европейцы добиваются большей роли в командных структурах, отказываются проецировать силу за пределы континента, увеличивать расходы на оборону. Американские союзники выступали против блокады Кубы, жестких санкций в отношении Ирана, которые навязывались из США. Вашингтон реагировал на эти тенденции весьма раздраженно, сетуя, что американцы и европейцы “маршируют под разные барабаны”, что уровень готовности Североатлантического альянса падает. На Ближнем Востоке дружественные США режимы (Египет, Иордания, Саудовская Аравия) осуждали силовую линию Белого дома в отношении Ирака, болезненно реагировали на присутствие Пентагона в регионе, жаловались на негативное влияние на местную молодежь американской массовой культуры.

Растет национализм в Юго-Восточной Азии.

Асановские правительства не приедают американского нажима по пра-

вам человека и демократизации, настаивая на ведении дел по-азиатски. Страны региона (особенно Малайзия, Индонезия) демонстрируют независимость от США в военных и политических вопросах, высказывая, в частности, интерес к закупкам российского оружия.

В Латинской Америке отвергают призывы США ограничить роль местных военных кругов, избегают коллективных оборонных структур с участием Пентагона, отказываются проводить на своей территории многонациональные военные маневры. В Вашингтоне признают, что в Латинской Америке не воспринимается политика, основанная на западных ценностях (в Карибском бассейне-де “на интеллектуальном уровне восприятие есть, но реализация на практике отсутствует”).

В СНГ тоже можно отчетливо наблюдать стремление бывших союзных республик ревностно отстаивать свой суверенитет, подчеркивать собственную независимость.

Сотрудничая с Россией, они пытаются вместе с тем заручиться политической поддержкой Запада как гаранта суверенитета.

В договорных документах стран-участниц СНГ с США, европейскими государствами неизменно присутствует соответствующее положение, как и тезис о нерушимости границ и территориальной целостности. Некоторые политические деятели СНГ постоянно подчеркивают, что для укрепления суверенитета их государств сотрудничество с США имеет важное значение. Желание ослабить нити зависимости от России толкает наших партнеров по СНГ на формирование различных объединений на постсоветском пространстве без участия Москвы.

В отношениях с Россией страны СНГ склонны добиваться односторонних преимуществ, различных льгот для

себя, подчас в ущерб российским интересам. В таких случаях срабатывает иждивенческая логика, представление о том, что Россия богатая, да к тому же в прошлом “угнетала” республики, поэтому сейчас должна “платить по счетам”. Еще одна тенденция – видеть “руку Москвы” в конфликтах между новыми независимыми государствами (война из-за Нагорного Карабаха) и в своих внутренних неурядицах (абхазская и южноосетинская проблемы на Кавказе, приднестровская в Молдавии и т.д.).

Противоречив подход средних и малых соседей к Китаю, Японии, Индии.

В Юго-Восточной Азии не забывают, что их страны по-прежнему обозначаются на исторических китайских картах как территории, утерянные Средней империей. Там с тревогой взирают на наращивание китайского военно-морского флота, ежась в ответ на напористые действия Пекина в отношении спорных островов в Южно-Китайском море.

В большинстве стран региона сохраняется зависть к преуспевающей китайской диаспоре и подозрения в том, что она играет роль “пятой колонны”.

Негативные эмоции взрываются в периоды социально-экономических и политических катаклизмов и приводят к антикитайским погромам (например, в Индонезии в 1998 г.). Страх перед китайским исполином побуждает азиатские страны соглашаться с продолжением американской военной роли в регионе (военно-техническое сотрудничество, заход американских ВМС в порты, маневры, обмен разведывательной информацией и т.д.).

По той же причине приветствуется присутствие России в АТР.

Даже Южная Корея, для которой в меньшей степени характерен антикитайский синдром, заявляет, что американские войска должны постоянно ос-

таваться на полуострове, ибо в противном случае “китайский и японский киты проглотят корейскую креветку”.

О японцах, кстати, корейцы отзываются однозначно.

Их стандартный тезис: “Мы ненавидим японцев!” Причина – жесточайшее колониальное правление Токио на Корейском полуострове. Колонизаторы начали в свое время с того, что закололи штыками корейскую императрицу, а затем приступили к методичному истреблению местных жителей. На заключительном этапе колониальная администрация придумала новую стратегию: населению стало внушаться, что корейского этноса просто нет, что обитатели Корейского полуострова – это всего лишь отсталая часть японской нации.

Болезненные чувства испытывают другие народы, пострадавшие от японских захватчиков: китайцы, малайцы, индонезийцы, филиппинцы и т.д. Поэтому любое поползновение Японии к активизации своей политической и особенно военной роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе вызывает там открытое или затаенное отторжение.

Индию тоже не жалуют соседи: от Пакистана, обзаведшегося ядерным оружием против Дели, до небольшого Непала.

Еще одна реальность современного мира – противоречия между самими средними и малыми государствами. Некоторые из этих противоречий способны достигать высокого накала и выливаться в конфликты. Причем после окончания холодной войны происходит рост конфликтности, что обусловлено рядом причин.

Во-первых, конфликтности способствует демократизация международных отношений. Если раньше сверхдержавы держали подопечных “в узде”, то теперь большинство государств действует по своему усмотрению, а это ве-

дет к анархии. Известно, например, что Москва и Вашингтон неоднократно охлаждали пыл союзников и друзей на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове, да и в Европе тоже.

Во-вторых, перестав конфликтовать друг с другом, Запад и Восток уже не вмешиваются автоматически в столкновения, имеющие место за пределами зон их жизненно важных интересов. В прошлом Белый дом и Кремль оказывались по противоположным сторонам баррикад при возникновении каждого конфликта в любой точке земного шара. Порой их вмешательство лишь подогревало страсти и продлеvalo кровопролитие, но зато рамки конфликта контролировались.

В современном мире огонь конфликтов зачастую полыхает и некому локализовать стихию.

Это особенно видно в Африке, которую даже вездесущие США более не рассматривают как зону своих стратегических интересов. На Африканском континенте ежегодно происходят десятки конфликтов, большинство из которых не привлекает серьезного внимания внешних сил. Если проблемы и решались, то усилиями, в том числе и военными, самих африканцев (таким образом была, в частности, стабилизирована ситуация в Уганде, Эфиопии, Эритрее, Руанде).

В-третьих, сказывается отсутствие в ряде районов земного шара ярко выраженных региональных лидеров.

В Африке, например, страны, которые по своему потенциалу могли бы стабилизировать ситуацию, напротив, взрывают ее (Нигерия, Судан, ДРК). Нет подлинных лидеров и в арабском мире.

В-четвертых, резкому росту конфликтности способствовал распад СССР и Югославии, появление на карте мира новых государств, многие из которых по разным причинам не могут ужиться

как друг с другом, так и с остальными соседями.

На протяжении всей человеческой истории самой распространенной причиной конфликтов были споры из-за границ и территории. Ситуация в этом смысле не изменилась и вряд ли изменится.

Отдельные из споров настолько остры, что уже принимали или принимают форму вооруженной борьбы (Израиль против палестинцев и Сирии; Армения – Азербайджан; Англия – Аргентина; Япония – Южная Корея; Перу – Эквадор; Индия – Пакистан; Иран – Ирак; Ирак – Кувейт); другие тлеют и могут вспыхнуть (КНР, Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Филиппины из-за о-вов в Южно-Китайском море; КНР – Япония и пр.); третьи блокируют гармонизацию межгосударственных отношений (Россия – Япония; Англия – Испания), а некоторые из территориальных вопросов пока не стоят на повестке дня, но могут там появиться в XXI столетии (Германия – Польша; Германия – Чехия; Германия – Россия; Румыния – Венгрия; Словения – Италия; Польша – Украина; Литва – Польша; Белоруссия – Литва, Словакия – Венгрия и т.д.).

Следующая по распространенности категория конфликтов – этнически-религиозные. Они подчас переплетены с погранично-территориальными, как между Израилем и арабами, армянами и азербайджанцами, греками и турками, сербами и югославскими мусульманами, индийцами и пакистанцами. Есть и связанные с притеснением меньшинств.

Сохранятся, очевидно, и отдельные идеологические конфликты, которые в холодную войну происходили повсеместно.

Наиболее остры фронтации на идеологической почве между Северной

и Южной Кореей, КНР и Тайванем, Ираном и Западом.

Среди прочих мотивов фигурируют:

- борьба за ресурсы;
- экология;
- миграция;
- беженцы;
- особенно политические;
- терроризм;

- наркобизнес;
- обладание ядерным оружием;
- соперничество за влияние;
- субрегиональное лидерство.

Чисто торгово-экономические споры, хотя и имеют место по всей планете, но редко перерастают в острые конфликтные ситуации. Их удается, как правило, решать путем переговоров.

Внутренние проблемы

Характерной особенностью современного мира является наличие значительного числа государств, которые испытывают и в обозримой перспективе будут испытывать серьезные внутренние трудности. Число внутренних конфликтов сейчас превышает число межгосударственных.

Проблемных стран больше всего в Африке: Нигерия, Судан, Алжир, Сомали, Руанда, Либерия, Сьерра-Леоне, Заир, ДРК и многие другие.

Немало их в Латинской Америке, и прежде всего это Колумбия, Боливия, Перу, Эквадор, Гаити, Куба и т.д.

В Азии, если называть только наиболее тяжело больные на данный момент, – Таджикистан, КНДР, Камбоджа.

В Европе – Албания, Босния.

На Ближнем и Среднем Востоке – Ирак, Ливан, Палестина.

В общей сложности более 50 государств можно отнести к категории пораженных недугами нестабильности большой и средней тяжести.

Причин, по которым современные государства болеют, немало.

Самый распространенный источник проблем – социально-экономическая сфера. Развал экономики порождает тяжелейшие социальные язвы, в том числе безработицу, преступность, коррупцию, шовинизм, расизм и т.п. Демографический взрыв во многих странах “третьего мира” лишь усугубляет ситуацию, города “распухают” от из-

быточного, голодного, томящегося от безделья, озлобленного населения, и достаточно поднести спичку, как вспыхивает пожар.

Вместе с тем, в ряде стран, где прошли успешные реформы и наблюдался экономический рост, социальная напряженность, тем не менее, также стала нарастать. Ее провоцируют коррупция, резкое изменение условий жизни широких слоев населения, несправедливое распределение национального дохода.

Наиболее кричащий пример дала в конце 90-х годов Индонезия, которая до этого бурно развивалась и уже, казалось бы, превращалась в очередного “азиатского тигра”. Вместо этого, столкнувшись с финансовым кризисом, Индонезия сорвалась в хаос, погромы, гражданское неповиновение. Люди озлобились тем, что власти казнокрадствовали и жили в роскоши. Ненависть была обращена и к китайцам, как наиболее зажиточной этнической группе страны.

Растет недовольство в некоторых странах Латинской Америки и Персидского залива, добившихся заметного экономического прогресса. Латиноамериканцы страдают от инфляции и безработицы, арабы недовольны тем, что становится меньше социальных льгот.

Вторая типичная причина внутренних катаклизмов в государствах – неурегулированность этнических, религиозных, племенных и клановых отношений. Потенциал для напряженности в

данных сферах велик, учитывая, что до 90% всех государств полиэтничны и поликонфессиональны.

Взять хотя бы проблему 40-миллионного курдского народа, подвергающегося притеснениям в целом ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Или политизированный исламизм, который грозит разорвать на части Алжир и дестабилизирует обстановку в Турции, в странах Аравийского полуострова и т.д.

Угроза стабильности в государстве может исходить от политической системы – как тоталитарной, рано или поздно обреченной на крах, так и демократической. Бурная демократизация в мире дала волю различным деструктивным процессам – от сепаратизма до расизма, от политической борьбы без правил до трайбализма, от терроризма до прорыва мафиозных структур к рычагам государственной власти.

Многие специалисты полагают, что демократия в Латинской Америке, например, настолько неэффективна, что маятник может качнуться в обратную сторону и народы континента опять отдадут свою судьбу на милость военных режимов.

Демократизация привела к распаду государств, в том числе столь великого, как Советский Союз. В результате

Возможно ли сотрудничество?

Мировой финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., в очередной раз чувствительно напомнил о несовершенстве современной модели существования человечества, об ограниченности возможностей глобальных лидеров, включая США, о тесной взаимозависимости государств и необходимости сотрудничества между ними.

Америку кризис потряс настолько, что она избрала своим президентом весьма нетрадиционного политика, чуждого идеологии фундаментализма и неоконсерватизма, гораздо менее своих предшественников связанного с ВПК, спецслужбами, нефтематна-

появились новые образования, которые только формируют свою государственность. Они, как правило, пока слабы, плохо организованы и поражены конфликтами. В этой связи достаточно привести пример практически каждого государства на постсоветском пространстве. Помимо всего прочего, некоторые из молодых государств одним своим фактом существования могут стимулировать различные процессы у соседей.

Так, появление на карте мира суверенных центральноазиатских республик активизировало выступления за независимость среди казахов, киргизов, узбеков, таджиков, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Распад многонациональных государств, несомненно, способствовал усилению сепаратизма и на Западе: Бельгии, Испании, Канаде, Великобритании.

Следует отметить, что внутренние проблемы все стремительнее вырываются за государственные границы, вторгаясь в сферу международных отношений. Выражается это в потоках беженцев, терроризме, наркобизнесе, похищении ядерных и других смертоносных материалов и т.д.

тами, нацеленного на отказ от безрассудного неолиберализма в экономике и разнузданного гегемонизма во внешней политике.

Перемен от президента Обамы ждут миллионы избирателей, делегировавших его в Белый дом. Перестройки курса Вашингтона требуют и объективные обстоятельства: в кризисе как экономика, так и внешняя политика США.

Пересмотр американских взглядов уже начался.

Так, в докладе авторитетного Национального совета по разведке США "Глобальные перспективы 2025: преобразившийся мир" признается, что международ-

ная система становится все более многополярной, причем происходит "историческое перераспределение богатства и экономической мощи с Запада на Восток", "разрыв между развитыми и развивающимися странами сокращается".

Отмечается, что "хотя Соединенные Штаты, вероятно, останутся самым сильным индивидуальным актором, сравнительная мощь США, даже в военной области, уменьшится и их влияние станет более ограниченным. К 2025 г. международное сообщество будет состоять из многих акторов, общий подход к глобальному управлению будет отсутствовать. "Система" будет многополярной со многими скоплениями государственных и негосударственных акторов. ...Главной характеристикой "нового порядка" будет переход от однополярной системы с доминирующей ролью США к сравнительно неструктурированной иерархии старых держав и поднимающихся наций, а также диффузии власти от государственных к негосударственным акторам"¹.

В том же докладе Национального совета по разведке США констатируется, что американская модель развития больше не является доминирующей: "Китай предлагает альтернативную модель политического развития в сочетании с иным экономическим путем. Эта модель может оказаться привлекательной для неэффективных авторитарных режимов, а также для слабых демократий, обескураженных годами экономического отставания"¹.

В целом, судя по этому докладу, другим документам, высказываниям ведущих политических фигур, в Вашингтоне начинают осознавать иллюзорность планов "*Pax Americana*", всерьез задумались о коллективном подходе к решению широкого круга международных проблем.

В России, Китае, других ведущих центрах влияния современности в свою очередь готовы к "перезагрузке" международных отношений.

Проблемы, требующие совместных усилий, коллективного лидерства, хорошо известны – это:

– преодоление текущего финансово-экономического кризиса;

– формирование новой, более здоровой и устойчивой системы глобального управления;

– противостояние терроризму, наркоторговле, организованной преступности, голоду, болезням, экологическим катастрофам;

– урегулирование локальных конфликтов и т.д.

Проблемы, вызовы и угрозы взаимосвязанному, глобализирующемуся человечеству можно перечислять до бесконечности.

Мы бы хотели оттенить одну из угроз, входящую в число самых опасных. Речь идет о распространении ядерного оружия.

5 апреля 2009 г. Северная Корея запустила спутник связи. За рубежом это интерпретировали как испытание баллистической ракеты, способной достичь Аляски. Послышались протесты.

В российских СМИ в данной связи завязалась дискуссия на тему: угрожают ли России ракетно-ядерные приготвления Пхеньяна?

И выяснилось, что чуть ли не половина россиян не видит причин для беспокойства. Послышались голоса: у США, мол, огромный ракетно-ядерный потенциал, и они, в отличие от Северной Кореи, уже использовали его – сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Вот по поводу американских приготвлений и стоит беспокоиться, а северокорейцы пусть, мол, испытывают ракеты, КНДР на Россию все равно не нападет.

Такой подход в корне ошибочен. Почему? Начнем с обвинений Америке.

Соединенные Штаты применили ядерное оружие в 1945 г. в конце Второй мировой войны против агрессора – милитаристской Японии, которая пыталась поработить все народы Азиат-

ско-Тихоокеанского региона. Если бы Советский Союз располагал в годы той войны аналогичным оружием, то, несомненно, без промедления обрушил бы его на союзника Токио – гитлеровскую Германию. Решалась судьба нашей страны и всего человечества – и было не до сантиментов к врагу. Он, если бы победил, то нас бы не пощадил.

В 1945 г., кстати, никто еще не понимал многих особенностей ядерного оружия (в частности, радиоактивного заражения людей и природы), и никто его еще не запрещал (как, скажем, бактериологическое и химическое оружие).

После окончания Второй мировой войны США больше никогда не прибегали к ядерному оружию – ни пока оставались его монополистом, вплоть до 1949 г., ни когда, вплоть до 70-х годов, значительно опережали СССР по мощи ракетно-ядерного потенциала. И это несмотря на холодную войну между двумя сверхдержавами и их лагерями, несмотря на кровопролитный Корейский конфликт (1950–1953 гг.), конфронтации из-за Берлина, Кубы и т.д.

Вместо того чтобы швыряться ядерными бомбами, СССР и США начали сложный и длительный процесс переговоров по контролю над стратегическими вооружениями и разоружению. Титанические усилия потребовались для того, чтобы поставить преграду на пути распространения ядерного оружия. Москва придавала этому вопросу столь важное значение, что отказалась делиться ядерными секретами даже с ключевыми союзниками (КНР и ГДР).

В 1968 г. был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в 1995 г. этот договор был продлен. Российская дипломатия сыграла важнейшую роль в том, чтобы убедить неядерные страны сделать ДНЯО бессрочным.

В самом деле, распространение – опаснейшее явление.

В случае с КНДР, например, дело далеко не только в том, что северо-корейская ракета может по ошибке упасть на российскую территорию или что режим в Пхеньяне имеет склонность к авантюрам. Главная опасность заключается в том, как на ракетно-ядерные игры Пхеньяна прореагирует остальной мир.

Япония, жертва бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, совсем не боится громадного ядерного потенциала Соединенных Штатов. А вот скромные пока достижения КНДР в ракетно-ядерной области вызывают в Японии панику. Если северокорейцы продолжат бросать вызов ДНЯО, Япония рано или поздно откажется от своего неядерного статуса и, учитывая ее научно-технический и производственный потенциал, может в мгновение ока превратиться в ядерную державу.

Китай неминуемо отреагирует на японские действия утроением собственных усилий на ракетно-ядерном поприще.

Примеру этих держав последуют другие страны АТР.

А режим нераспространения и без того начинает трещать по швам.

Индия и Пакистан, два густонаселенных государства, уже тихой сапой влились в ядерный клуб. А ведь соседи по Индостану нестабильны, в них орудают террористы, которые того и гляди, проникнут в ядерные кладовые. Ситуация усугубляется тем, что Индия и Пакистан находятся на грани войны и, не дай бог она разразится, удержатся ли воюющие стороны от применения стратегических вооружений?

На Ближнем и Среднем Востоке тоже нарастают тревожные тенденции – откровенно враждебные друг другу Израиль и Иран накапливают

ракетное оружие и имеют доступ к ядерной энергии. Они, в свою очередь, подают дурной пример другим. Тем более что в мире изменился баланс сил и уже выросли новые поколения людей, которым не очень понятны договоренности и ограничения прошлого.

Как-то я читал лекцию индонезийским студентам, и они поинтересовались, почему у небольшой Англии есть ядерное оружие, а большой Индонезии его иметь нельзя. Я сослался на итоги Второй мировой войны, и тут выяснилось, что индонезийские студенты ничего не знают о той войне на Европейском континенте. Никогда даже не слышали фамилию Гитлер.

Кстати, многие нынешние российские студенты не знают, кто такой Гитлер, а на вопрос, когда закончилась холодная война, называют почему-то 1824 г. или 1937 г. И

уж совсем не ведают, при ком закончилась холодная война – при Петре I, Николае II, Сталине или Горбачеве.

Отсутствие исторической памяти у многих молодых людей лишь актуализирует необходимость сохранения и укрепления режима нераспространения. Приоритетное значение в этой связи приобретает дальнейшее продвижение вперед России и США по пути сокращения ядерных потенциалов. Данный вопрос – один из главных в повестке дня диалога между Кремлем и Белым домом. И архиважно, чтобы никто, в том числе Пхеньян, не срывал своими провокационными действиями важнейшие переговоры в области стратегических вооружений и не разрушал жизненно важный режим нераспространения ядерного оружия.

Итак, коллективное лидерство необходимо и мировые лидеры стали демонстрировать соответствующую волю к нему.

В прошлом такое уже было – и в начале 90-х годов, когда кончилась холодная война, и в 2001 г. после террористического нападения на Соединенные Штаты. Но оба раза не получилось, соперничество оттесняло сотрудничество на второй план. И сейчас на пути сотрудничества остаются препоны.

США, может быть, и отказались от грубого, силового гегемонизма, но не от лидерских амбиций.

Имеются такие амбиции и у других игроков – России, Китая, Объединенной Европы.

А раз остаются амбиции, сохраняется и почва для конкуренции, соперничества, трений и столкновений. Закономерности Фукидида (борьбы за власть в мире) пока никто не отменял. Это, во-первых.

Во-вторых, государства традиционно испытывали потребность в наличии внешнего врага.

Еще в V в. до нашей эры китайский мыслитель Шан Ян пропагандировал войну как средство сплочения и подчинения собственного народа, укрепления власти, обогащения государства. Когда страна живет мирной жизнью, рассуждал философ, народ расслабляется, общество разъедает яд. И наоборот, когда страна воюет, общество спланивается вокруг правителя.

Две тысячи пятьсот лет спустя, уже в XXI в. американский политолог С.Хантингтон утверждал: “До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма великой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной”².

Вслед за мыслителями современные политики подчас испытывают искушение укрепить государство и личную власть в нем за счет поиска внешних врагов и эк-

сплуатации темы внешних угроз. Особенно в это смысле стараются военно-промышленные комплексы великих держав – ведь наличие врага оправдывает само их существование, а также их власть, влияние, доходы и расходы.

Ну, и, наконец, экономическая сфера.

С одной стороны, она сближает великие державы. Державы интенсивно обмениваются товарами, технологиями, услугами, их благополучие становится взаимозависимым. Мировой кризис тем более диктует необходимость совместных действий. Но, с другой стороны, из прошлого известно, что в разгар подобных кризисов государства разбежались в разные стороны, закрывались, ударялись в протекционизм, превращаясь в антагонистов. На нынешнем этапе особенно труднопреодолима и опасна конкуренция за контроль над источниками и маршрутами доставки энергоносителей.

В итоге остается вопрос: что все-таки перевесит, инстинкты сотрудничества или инстинкты соперничества?

В свое время Уинстон Черчилль сказал: “Всегда можно быть уверенным в том, что Америка пойдет правильным путем. После того как исчерпает все альтернативы”.

Будем надеяться, что не только Америка, но и Россия, Китай, другие страны пойдут правильным путем углубления сотрудничества. И тогда может быть удастся построить будущее, которое всех нас устроит.

Примечания

¹ Global Trends 2025: A Transformed World. Washington D.C.: GPO, 2008. P. VI, 1, 12.

² Хантингтон С. Кто мы? С. 16.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**